Отставание для нас — это скрепа. Евгений Кузнецов

Этой публикацией мы начинаем знакомство с материалами, подготовленными совместно с Центром социального проектирования «Платформа» в рамках экспертно-социологического проекта «Технологическая волна в России». Евгений Кузнецов, экс-руководитель Российской венчурной компании (РВК), амбассадор Singularity University в России рассуждает о причинах, действующих механизмах и перспективах преодоления технологического отставания России от ведущих мировых держав

Гонка за практиками

Если говорить о том, кто, кого и как сегодня в мире догоняет, то начнем с того, что в основе всего лежит улучшение биологических параметров цивилизации. Человечество становится многолюднее, живет дольше, и стремится эту многолюдность более эффективно организовать, повысить качество жизни каждого индивида, потому что тогда все общество становится продуктивнее.

Разные страны конкурируют набором практик, которые позволяют более эффективно:

а) получить крупную цивилизацию;

б) управлять ею.

Если посмотреть историю России, она все время драматически отставала в практиках, потом рывком нагоняла. Отставание является для нас вполне себе скрепой. Люди, прежде всего элита, очень не хотят расставаться с практиками, потому что это разрушает их социальную ткань.

> *В российской истории был единственный короткий период, когда у нас начали формироваться лидерские практики. Это период*

поздней империи и зрелого Советского Союза

В российской истории был единственный короткий период, когда у нас начали формироваться лидерские практики. Это период поздней империи и зрелого Советского Союза. Сначала в области культуры, потом и в управлении. В Союзе придумали идею переноса конвейера из промышленности в управление государством. Конечно она довольно топорна, и до Второй мировой войны, скорее, работала контрпродуктивно (кровавая баня 1930-х годов к лидерским практикам не относится).

Но на коротком промежутке между 1945 и 1965 гг. эффективность плановой экономики была доказана. Мир ответил выработкой новых лидерских практик. Япония создала бережливое производство, модель «Тойоты», перевернувшей корпоративный мир. На Западе появились новые формы социального управления: смесь общества благоденствия с либеральной демократией.

Сейчас в мире два лидера: Америка и Китай. Америка лидирует через создание управленческих практик, именуемых «digital-экономика». А Китай создает лидерские практики в области совмещения централизованного управления и развитого рынка. Россия, тем временем, изживает модель сырьевой ренты.

Надежда на сырьевую ренту

Я очень хорошо помню, что сформировало двадцатилетний цикл, в котором мы сейчас живем и который закончится у нас на глазах через пару лет. Он сформировался в 1998-1999 годы под политическим слоганом «справедливое распределение сырьевой ренты». В тот момент казалось, что единственное, что нужно стране – это эффективно распределить сырьевую ренту. Как ни парадоксально, это сработало, например, в Норвегии, которая получила достаточно неплохой уровень жизни. Хотя ее нельзя назвать лидером даже на скандинавском уровне. Та же Финляндия выглядит сильно более симпатично.

С 1999 по 2007 год наша страна делилась две части:

а) околовластные структуры, которые занимались перераспределением собственности, чтобы наладить «эффективное распределение ренты»,

б) частный бизнес, который заполнял все остальные ниши, и развивался неплохо.

Но сырьевая рента начала сбоить, вместе с ней засбоило и все остальное. Я помню два ключевых эпизода, которые обусловили наше отставание после периода, когда, казалось, что мы вот-вот мы начнем догонять.

> *Сегодня распределение ресурсной ренты в нашей стране больше не способно одновременно удовлетворить амбиции элиты и амбиции населения*

Первый эпизод – это 2004 год, когда существенная часть дохода от ренты стала складываться в стабилизационные фонды и перестала быть драйвером экономики, за исключением фактора потребительского потребления. Потребление росло, а в инвестиции в капитал стали расти медленно.

Второй эпизод – 2007 – 2009 годы. Кризис должен был подействовать отрезвляюще, остановив это благодушие. Но сработал на консервацию социального благополучия, опять-таки, прежде всего, элит, а не населения.

Сейчас этот процесс зашел в логический тупик – распределение ренты больше не способно одновременно удовлетворить амбиции элиты и амбиции населения. Неизбежно происходит просадка уровня жизни.

А крупные социальные катаклизмы, как известно, возникают не тогда, когда люди живут плохо, а когда они начинают жить хуже после периода относительного благополучия. И понимают, что будут жить еще хуже.

Полки нового строя

Очень важный и показательный сюжет – в середине цикла у нас были запущены институты развития: «Роснано», «Сколково», РВК и другие.

Все предыдущие модернизационные провалы Россия компенсировала через мобилизацию, другое дело – какой кровью. Но все же модернизация происходила.

И вот самый интересный вопрос: а как она может происходить по-другому?

Проблема в том, что модернизация 2010 года была ограниченной. Стране была нужна системная трансформация модели развития. На каких принципах? Свободы бизнеса и предпринимательства, максимальной децентрализации ключевых экономических и политических процессов. Эта ставка – концентрированный вывод из нашей экономической и политической истории последних 200 лет.

> *Все предыдущие модернизационные провалы Россия компенсировала через мобилизацию, другое дело – какой кровью. Проблема в том, что модернизация 2010 года была ограниченной*

Это особенно очевидно, если вспомнить, что мы переходим к умным средам, умным сетям, digital и smart-экономике. И начинаем понимать, что даже на уровне цеха «завода будущего» роботизируется и интеллектуализуется не только цех, но и каждая конкретная деталь станка. Эта единица становится умной. Она связывается с другими и коммуницирует, составляя вместе разумный рой. Тысячи небольших компьютеров внутри модулей, которые лучше адаптируются, а не суперкомпьютер, управляющий тысячами манипуляторов. Такой уклад требует адекватного подхода.

Но в тот момент произошло подавление новой модели старыми формами. «Сколково» и РВК, «Роснано» во многом были «полками

нового строя». И достаточно быстро стали возникать очень серьезные барьеры. Крупные российские компании поняли, что инновационный уклад может угрожать их бизнесу.

По всем направлениям бизнеса началось усиление барьеров. Предприниматели поняли, что они бьются о них и будут еще долго и больно биться. Невозможно конкурировать с «крупняком» за крупные контракты. Они просто вынудили новых людей в бизнесе начать уезжать. Это сработало и затормозило процесс.

Поиск выхода

Выйти за рамки небольшого инновационного аквариума никто не решался. В 2011 из администрации президента были разосланы предписания во все крупные госкомпании с целью стимулирования создания корпоративных венчурных фондов. Практически все госкомпании ответили отписками: им это не нужно, нет ни экономических, ни иных оснований. В 2017 году последовала вторая попытка запустить эту систему.

Корпоративные венчурные фонды — прекрасная лакмусовая бумажка. Сейчас в Соединенных Штатах нет ни одной крупной компании без корпоративного венчурного фонда. В Китае они — практически у всех, в Японии — у многих, в Европе тоже.

Как бизнес-логика объясняет факт создания на первых порах убыточного, рискованного, непонятно как работающего подразделения? Заметьте, там президенты никого не заставляли, но это возникло. Почему? А просто компании поняли, что у них нет интерфейса для взаимодействия с новой средой, они ее не видят.

> *Корпоративные венчурные фонды — прекрасная лакмусовая бумажка. В США нет ни одной крупной компании без корпоративного венчурного фонда. В Китае они — практически у всех, в Японии — у многих, в Европе тоже. В России большинство крупных компаний считает, что им этого не нужно*

Фонды создавались как надежда, что через какое-то время этот механизм обновит внутренние процессы в компании, и они начнут двигаться более современно. Так и произошло, но на 10-й или даже на 15-й год с начала создания корпоративных венчурных фондов в Штатах и во всем мире. А первые 10 лет эти фонды просто теряли все деньги. Потом они встроились и сейчас работают нормально. В Штатах это четверть всей венчурной экономики. Люди сами поняли, что вот это цена обучения новым правилам игры.

В России основным интерфейсом взаимодействия с инновационным миром являются институты развития, и потому все живет в своем, весьма искусственном мире, в отрыве от основной массы промышленности и экономики. Первую попытку запуска корпоративных венчурных фондов просто зарубили, вторая попытка идет сейчас более удачно, но все равно очень точечно – далеко не все компании, далеко не в том объеме это делают – а большинство вообще еще ничего не начали.

Сила отставания

Россия всегда догоняла мировых лидеров не за счет того, что эффективно развивала свои институты, а за счет того, что начинался кризис мировых институтов. Россия участвовала в разрешении этого кризиса, успевая «дотрансформировать» то, что пропустила на предыдущем этапе. Если весь мир проходил цикл модернизации за 100 лет, то Россия 70 лет спала, 20 лет воевала, а за 10 лет догоняла. Я сильно упрощаю, но, тем не менее.

Эффективность этой тактики базируется на очень простом правиле. Тот, кто начинает первым, допускает ошибки, и общее количество усилий у него значительно больше, чем требовалось бы в идеале. Эти ошибки приводят к техногенным катастрофам, эти ошибки приводят к социальным катастрофам.

У отстающих минус в том, что они упускают момент формирования эффективных практик. Они входят в новый бизнес с

неэффективными практиками. Как Россия вошла в индустриализацию без эффективных навыков социального управления и адекватно развитого общества, что привело к социальным катаклизмам, революции и т.д.

> *Если весь мир проходил цикл модернизации за 100 лет, то Россия 70 лет спала, 20 лет воевала, а за 10 лет догоняла*

Зато к тому моменту мир прошел этап создания капиталистической экономики. Уже были сформулированы принципы общества благоденствия. Они по-разному были интерпретированы на Западе и в Советском Союзе, но их начали внедрять, у нас даже быстрее.

Примерно на то же самое можно надеяться сейчас. К цифровой экономике, роботизированной и не требующей рабочей силы в прежнем объеме, мир будет адаптироваться невероятно тяжело. Парадоксально, но Россия прошла этот период уже 20 лет назад, когда количество рабочих мест падало. Люди перераспределялись сами и в итоге перераспределились. Проблема огромного избытка рабочей силы в России не стоит. Стоит обратная проблема.

Эта история позволила бы России быстро нагнать отставание и вырваться вперед по темпам роботизации, если бы этим кто-то серьезно занимался. Если бы мы в 2010 году не потратили деньги на благоденствие элит, а пустили их на интенсивные инвестиции в роботизацию, мы бы сейчас находились в совершенно другой ситуации. Но история учит: что не происходит по уму, происходит катастрофично.

Пока ни Китай, ни США, ни, тем более, Европа эффективных решений специфических проблем цифровой экономики не предложили. Они не знают, как бороться с вытеснением рабочих; с разрушением приватности в интернете; с манипулятивной демократией в условиях социальных сетей, со всеми этими fake news. И не понимаю, что делать с климатом, конечно же, потому что, не дай бог, придется переселять сотни миллионов людей.

На эти вызовы нет ответов. Поэтому теоретически у нас есть возможность за счет эффекта мобилизации нагнать и вырваться.

Инновационная реформация

Но прямо скажу, я не вижу сейчас в России:

а) интеллектуальной школы, которая бы обсуждала создание «авторской» российской модели технологического прорыва на основе нашей собственной истории.

б) элит, готовых к рывку, то есть к понижению своего уровня жизни ради достижения благополучия общества.

> *Нам нужна не столько технологическая инициатива, а этическая инициатива. Нам нужна Реформация*

Российские технологические лидеры, по мере развития, впадают в ту же болезнь. Поэтому нам нужна не столько технологическая инициатива, а этическая инициатива. Нам нужна Реформация. В каком смысле? Пусть сейчас экономисты оспаривают тезис, что Реформация стала основой современного капитализма, что у католиков получалось не хуже, но именно наличие острейшей интеллектуальной дискуссии стало причиной размывания и уничтожения старых институтов и замены их новыми. Мы задыхаемся без такой дискуссии. Нам необходимо широкое обновление социального слоя в предпринимательстве. Не сняв барьеры, которые мы сами установили, мы никуда не сдвинемся.

Нынешнее активное поколение в России сформировано идеей сырьевой ренты. Откуда знаменитая байка, что большая часть детей якобы хочет работать в Газпроме? Так ведь все общество считает, что смысл существования государственной экономики — в распределении ренты. Отсюда все это огосударствление, одеревенение, окаменение.

Три шага до конца старой модели

До признания, что старая лошадь сдохла и нам надо найти новую, осталось еще года два. Логика ресурсного иждивения должна дойти до своего края. Главным фактором будет оглушающее осознание отставания. Сейчас Китай или Америка обсуждают космические, информационные, медицинские проекты таких масштабов, которые в России даже осмыслить не могут, для нас это выглядит просто как чушь какая-то. Из пяти стадий принятия неизбежного (отрицание, гнев, торг, депрессия, принятие) — мы прошли только одну и сейчас находимся в гневе.

Но сейчас новое российское поколение, молодежь глобализованная, с хорошим знанием языков, она вот эту нашу реальность просто видеть не может. Она живет в реальности своих собственных символов.

Образ катастрофы как ресурс технологического прорыва

Есть одно обстоятельство, которое парадоксальным образом делает меня оптимистом. Россию всегда спасала экстренная мобилизация в ответ на внешнее обострение.

Обсуждаемые сейчас ядерные бомбы и ракеты — это оружие прошлого технологического уклада. Нынешний уклад — полностью роботизированные автономные военные средства. Технически сделать полигонный образец в России могут, а построить миллион роботов — нет. Физически не могут.

В ближайшие годы весь мир примет программу ускоренной роботизации армии. Чтобы ответить на этот вызов, надо иметь собственное производство:

а) роботизированное;

б) производящее роботизированную же электронику.

> *Обсуждаемые сейчас ядерные бомбы и ракеты — это оружие прошлого технологического уклада. Нынешний уклад — полностью роботизированные автономные военные средства*

У нас сейчас хорошая армия, мирового уровня, но образца 1990-х годов прошлого столетия. А армии будущего у нас нет. Пробуждение элит начнется с осознания небоеспособности армии в ближайшие 10 лет. Это произойдет благодаря тому, что до высшего руководства дойдет аналитика, как трансформируется армии мира. До них дойдет масштаб трагедии, которой обернется столкновение полностью роботизированной армии с «человеческой» армией.

Говорить, как у нас предпринимателей ущемляют, можно бесконечно. А вот то, что у нас небоеспособная армия, до государства очень куда важнее. Как и понимание, что сколько племянников на государственные должности сажай, новая армия не появится — тут надо что-то руками делать.

Это исторический момент — брейкпойнт петровского масштаба. Главный враг России не милитаризация, а вконец обленившаяся элита. Военные встряски всегда способствовали ее, скажем так, эффективной ротации.

Евгений Кузнецов

Родился 6 августа 1970 года в Санкт-Петербурге. Окончил Санкт-Петербургский государственный университет.

Занимался политической аналитикой, проводил социологические исследования, разработал ряд авторских методик социально-политического и технологического прогнозирования, отвечал за кампании на федеральных и региональных выборах.

В 2001–2002 гг. работал в Фонде стратегических разработок «Северо-Запад», где проводил стратегические исследования и вырабатывал экспертные рекомендации по социально-экономическим вопросам. В 2002 году перешел в международное PR-агентство Imageland Edelman. Здесь он разрабатывал комплексных кампании для корпоративных заказчиков и общественно-политические кампаниями федерального масштаба.

В 2006 г. пришел в науку и медицину. Совместно с Симоном Кордонским создал Фонд содействия развитию науки, образования и медицины, а в 2009 г. стал руководить комитетом по связям с научным сообществом российского отделения The International Association of Business Communicators.

В этом же году начал работу в Российской венчурной компании (РВК) на должности директора департамента развития и коммуникаций, затем стал директором департамента стратегических коммуникаций. С апреля 2014 года стал заместителем генерального директора – директором проектного офиса, членом правления РВК. С декабря 2015 года – заместителем генерального директора – программным директором, членом правления РВК. С июля по декабрь 2016 года он был временным генеральным директором РВК. В марте 2017 года он объявил о своем уходе из компании.

Источник: 2035.media